

Четыре столетия общественной эволюции: размышления о структуре российского социума XVII—XX вв.

Для того чтобы понимать суть и смысл исторических процессов, необходимо иметь представление об устройстве социума, специфике происходящих в нём трансформаций, принципах его деления на составные части, иерархическом ранжировании этих частей, способах взаимодействия между ними. В противном случае исследователь обречён оставаться в плену ложных построений, непроверенных гипотез и внешне логичных схем. Структура российского общества своей сложностью и динамизмом бросает вызов учёному и, может быть, именно потому оказывается столь заманчивым полем для практического применения исследовательских талантов. Ответом на этот вызов стала вышедшая в 2018 г. монография, написанная коллективом уральских исследователей под общей редакцией Д.А. Редина¹. Работа, охватившая четыре века отечественной истории, на протяжении которых социум пережил как минимум две радикальные трансформации — на рубеже XVII—XVIII вв. и в начале XX столетия, — разумеется, не может дать ответов на все вопросы истории развития российского общества. Но она способна поставить на повестку дня значительную их часть, побуждает задуматься над сюжетами, ранее находившимися на периферии внимания специалистов по социальной истории. В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук Э.К. Виртшафтер (Политехнический университет штата Калифорния в Помоне, США), А.Б. Каменский (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), С.А. Красильников (Институт истории Сибирского отделения РАН), Д.В. Лисейцев (Институт российской истории РАН), кандидат исторических наук В.Н. Круглов (Институт российской истории РАН).

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

Александр Каменский: Предмет изучения будущих историков

Alexander Kamenskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia): The subject of study for future historians

DOI: 10.31857/S086956870013451-7

Выход в свет книги «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.» является, на мой взгляд, важным событием, знаменующим собой определённый этап развития российской исторической науки в постсоветское время. Вероятно, кому-то подобная оценка покажется преувеличенной, ведь в отечественном прошлом так много «белых пятен» и масштабных проблем, которые ещё предстоит решать, но, как справедливо напоминают авторы на первой же странице книги, «человек — животное *социальное*», а историческая наука — это «специализированное общественно-научное зна-

¹ Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.

ние о прошлой *социальной* реальности» (курсив мой. — А.К.)². Изучение же прошлой социальной реальности невозможно без знания и понимания того, как был *устроен* социум, какова была его структура, какие горизонтальные и вертикальные связи существовали между отдельными его группами, как они взаимодействовали, какие механизмы и практики соединяли его в единое целое. Эти знание и понимание, как представляется, — отправная точка, основа для решения и всех иных проблем отечественной истории.

До относительно недавнего времени³ казалось, что всё это нам известно, — марксистская парадигма деления общества на классы наделяла чётким представлением о структуре общества прошлого, а ленинское определение классов давало ясную картину взаимоотношений между ними. Следование марксистской парадигме, истинность которой не подвергалась сомнению, позволяла историку либо вовсе игнорировать встречавшиеся ему явления, которые в неё не вписывались, либо относить их на счёт исключений, лишь подтверждающих правило. Отказ от использования марксистской парадигмы исторического познания, совпавший по времени с ускоренным освоением различных направлений современной исторической науки (история повседневности, семьи и частной жизни, эмоций, понятий, гендерная история, историческая урбанистика, микроистория и т.д.) и попытками применения их подходов к эмпирическому материалу истории России, неожиданно выявил, что устройство российского социума прошлого — это в большой мере *terra incognita*. Таким образом, если в западной исторической науке проблематика «новой социальной истории» 1950—1960-х гг. («механизмы социального структурирования общества, выявление широкого спектра формальных и неформальных оснований социальной дифференциации, изучение соотношений формально-юридического статуса и самоидентификации индивидов, социальной мобильности, границ внутри- и межгруппового взаимодействия» (с. 53)) способствовала появлению названных выше направлений, то в России их освоение как бы вернуло исследователей к этой начальной точке.

В значительной мере это «открытие» связано с тем, что, пытаясь опробовать на русском материале подходы и концепции современной исторической науки, историки либо обратились к комплексам исторических источников, ранее находившимся вне зоны их внимания, либо заново прочитали источники уже известные. Начав же работать с этими новыми источниками или задавая новые вопросы источникам уже известным, историки ощутили, что получаемая информация не вписывается, не укладывается в жёсткие рамки привычных схем и представлений. Не случайно поэтому авторы рассматриваемой книги декларируют, что в основе их исследования — «индуктивные стратегии научного поиска, движение “от источника”», предполагающее «предельно бережное, контекстное раскрытие смысла, содержащегося в изучаемых текстах» (с. 8). Этот авторский принцип заслуживает того, чтобы остановиться на нём чуть подробнее.

В последнее время немало говорится о том, что слабым местом отечественной исторической науки является отсутствие в ней оригинальных концепций и теорий, разработанных самими российскими историками. Что касается руси-

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учебное пособие. СПб., 2007. С. 6.

³ Недавним это время видится сегодня представителям старшего поколения историков, тщательно конспектировавшим в студенческие годы труды классиков марксизма; для молодого и даже среднего поколения это время — уже далёкое прошлое.

стики, то, как кажется, сложилось своеобразное разделение труда: российские историки накапливают и вводят в научный оборот эмпирический материал, а их западные коллеги занимаются его концептуализацией. При этом среди российских историков сегодня немало увлечённых разного рода теориями и концепциями и убеждённых в их первичности по отношению к эмпирическому материалу. Так, к примеру, аспирантам уже на стадии формулировки темы диссертационного исследования нередко предлагают определиться с тем, на какой теории они собираются основывать свою будущую работу. Между тем в пользу подхода «от источника» как методологического принципа можно привести по крайней мере два достаточно серьёзных аргумента. Прежде всего это, конечно, специфика источников по истории России. Но ещё важнее возникшая как раз во многом благодаря этой специфике традиция школы отечественного источниковедения. В середине 1990-х гг. мне довелось участвовать в семинаре в одном из зарубежных университетов, где среди прочего обсуждалось, что делать историку в ситуации постмодерна, лингвистического и прочих «поворотов», поставивших под сомнение саму возможность познания прошлого в силу «непрозрачности» исторического источника, порождённого «чужой одушевлённостью». Руководивший семинаром известный американский историк-русист чрезвычайно обрадовался, услышав от меня, что знакомство историка с российской школой источниковедения обеспечивает его своего рода броней, защищая от подобного рода утверждений и наделяя уверенностью в том, что, анализируя исторические источники с помощью разработанной в рамках этой школы методики, он получает по крайней мере относительно объективное знание о прошлом.

Возвращаясь к теориям и концепциям, необходимо отметить особую значимость первого раздела обсуждаемой книги (авторы Д.А. Редин, Д.В. Тимофеев, О.К. Ермакова, Н.В. Мельникова), без которого она рисковала превратиться просто в сборник статей на заданную тему. Раздел начинается разбором социологических теорий Н. Элиаса, Э. Гидденса, Р. Коллинза и Г. Тарда, причём авторы не просто излагают содержание этих теорий, но и делают акцент на том, что именно в этих теориях может, по их мнению, быть полезно историку. Можно не сомневаться, что знатоки назовут ещё пару десятков теорий — и социологических, и из области *cultural studies*, и проч. Показательно, к примеру, что на страницах книги лишь дважды, да и то мельком, упомянуто имя Мишеля Фуко, который ещё лет 10—15 назад был своего рода знаменем «продвинутых» историков и к которому сегодня, согласно правилам хорошего тона, принято относиться в лучшем случае скептически. Однако данная книга и не претендует на полный обзор всех теорий, существующих в смежных с историей научных областях, и авторы были вправе отобрать и подробно остановиться на том, что им представляется наиболее полезным в инструментальном плане с учётом её центральной темы — социальной стратификации в России последних четырёх столетий.

От социологических теорий авторы первого раздела книги переходят к потенциалу и значимости истории понятий, а затем к «новой социальной истории» (преимущественно в её французском варианте), к разбору дискуссий по ключевым для данной темы понятиям «класс» и «сословие» и, наконец, к отечественной историографии. При том, что обоснованность включения в вводный раздел книги именно этой проблематики сомнений не вызывает, его структура и, в частности, названия отдельных параграфов, как кажется, мо-

гут ввести читателя в заблуждение. В особенности это относится к подразделу 2.3, озаглавленному «Россия и Европа: проблема сопоставления социальных ландшафтов». Это название ориентирует на то, что речь тут пойдёт о компаративных исследованиях, но в действительности здесь в основном также рассказывается о дискуссиях вокруг термина «сословие» применительно к России и работах западных авторов, посвящённых отдельным стратам русского общества — дворянству, купечеству и т.д.

На мой взгляд, говоря о достижениях «новой социальной истории» во Франции, стоило хотя бы кратко сказать и о её влиянии на мировую историографию, в частности на расширение проблематики конкретно-исторических исследований. Очевидно, что появление в последние десятилетия многочисленных исследований, посвящённых изучению различных маргинальных групп общества прошлого и феномена преступности, связано не только с интересом к ним социологии, но и с «новой социальной историей», с постановкой вопроса о взаимодействии и функциях различных групп, составляющих тот или иной социум. И это хорошо видно, например, по вовсе не упоминаемому в книге работам Е.В. Акельева, в которых преступность в России середины XVIII в. рассматривается в первую очередь как социальное явление, а механизмы формирования преступных сообществ исследуются с учётом социального происхождения их членов, демонстрируя в том числе различные варианты социальной мобильности⁴.

Последний параграф первого раздела книги посвящён отечественной историографии социальной истории России. Он имеет самостоятельную ценность, показывая, как, собственно, и сама обсуждаемая книга в целом, состояние рассматриваемого в ней проблемного поля. Вместе с тем подобная структура первого раздела заставляет задуматься о целесообразности разделения на отечественную и зарубежную историографию. Так, например, анализ известной статьи Г. Фриза и дискуссии на страницах журнала «Cahiers du monde russe» о категории «сословие» (кстати, анализируются лишь статьи М. Конфино, Э. Виртшафтер и Д. Рансела и проигнорирована, например, интересная статья А. Смит⁵), вероятно, продуктивнее было бы представить в одном контексте со взглядами Б.Н. Миронова, И.А. Ивановой, В.П. Желтовой и других российских авторов. С одной стороны, приведённый обзор историографии позволяет согласиться с выраженным авторами оптимизмом «относительно перспектив развития и социальной истории как таковой и конкретных исследований по истории социальной стратификации России Нового — Новейшего времени» (с. 117) и, более того, говорить о появлении «новой социальной истории России». С другой — деление историографии на отечественную и зарубежную, как представляется, лишь акцентирует описанное выше «разделение труда» и не отражает реалии сегодняшнего дня, когда продуцирование нового знания происходит в тесном взаимодействии историков «поверх барьеров».

Очевидно, что авторы обсуждаемой книги не ставили целью дать полный обор как зарубежной, так и отечественной историографии социальной истории России. В этом не было необходимости, да и нельзя объять необъятное. И всё же некоторые пробелы ощутимы. Так, лишь по одному разу упомя-

⁴ Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.

⁵ Smith A. The Shifting Place of Women in Imperial Russia's Social Order // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. 2010. № 2/3. P. 353—367.

нуты книги Э. Виртшафтер «Социальные структуры: разночинцы в Российской империи» и «Social Identity in Imperial Russia», первая из которых, на мой взгляд, имела принципиальное значение для пересмотра традиционного представления о социальной структуре российского общества Нового времени. Вовсе не упомянуты другие книги того же автора, имеющие непосредственное отношение к данной проблематике⁶. Было бы интересно посмотреть на взаимовлияние, пересечение и развитие схожих тем, проблем и сюжетов в работах разных авторов. Как, к примеру, выводы и наблюдения Э. Виртшафтер в её книге «From Serf to Russian Soldier» соотносятся с выводами и наблюдениями П.П. Щербинина в его также не включённой в обзор книге?⁷ Упомянув книгу Н.В. Козловой «Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века», стоило бы вспомнить и о её монографии «Русский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов)», которая вышла в 1999 г., через 17 лет после цитируемой на страницах обсуждаемой книги работы А. Рибера. Для полноты картины стоило бы, вероятно, упомянуть, и о двух подготовленных Н.В. Козловой капитальных изданиях актового материала⁸, представляющих собой по-своему уникальное явление в современной исторической науке и вносящих важный вклад в изучение социальной проблематики. Причём речь тут идёт как раз о тех комплексах источников, которые ранее не привлекали внимание исследователей и обращение к которым явилось несомненно следствием возросшего интереса к социальной истории. Иначе говоря, обзор историографии можно было бы построить иначе — по конкретным сюжетам, по используемым авторами подходам и т.д., но, вероятно, это задача отдельной работы, которая ещё ожидает своего автора.

Авторы коллективной монографии «Границы и маркеры социальной стратификации» предупреждают читателей, что их книга — это не «социальная история России “от Гостомысла до Тимашева”», и нельзя не согласиться с ними, что «в сегодняшней историографической ситуации» (с. 13) это и не продуктивно, и невозможно. Вместе с тем второй и третий разделы книги, озаглавленные соответственно «Конструирование социального» и «Модели социального», в совокупности дают достаточно целостное представление о предмете исследования, а также о том, как сами авторы представляют себе содержательное наполнение исследуемой ими проблемы и пути её решения. Читатель находит здесь тексты, посвящённые развитию представлений о социальной структуре, эволюции и формировании самих социальных страт, о складывании профессиональных корпораций, о маркерах социального, о конструировании социального пространства советской властью. Очевидно, что список этот далеко не полон. В нём не хватает, пожалуй, сюжетов, связанных с социальной мобильностью, идентичностью и, что, наверное, самое важное, с взаимодействием различных социальных групп. Но вряд ли это можно поставить в упрек авторам. Их книга, как уже говорилось, фиксирует сегодняшнюю историографическую ситуацию и отражает возможности авторского коллектива, ограниченного рамками лежащего в основе книги научного проекта.

⁶ *Wirtschafter E.K.* From Serf to Russian Soldier. Princeton (NJ), 1990; *Wirtschafter E.K.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb (IL), 2003.

⁷ *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX века. Тамбов, 2004.

⁸ *Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы* / Сост. Н.В. Козлова. М., 2002; *Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени* / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой, П.Ю. Прокофьевой. М., 2015.

Поскольку книга написана уральскими историками, вполне ожидаемо присутствие в ней уральско-сибирских кейсов (раздел III, глава 1, параграф 1.2, автор Е.В. Бородина и глава 3, автор Д.А. Редин), которые общую целостность не нарушают. Иного рода кейсы представлены в главах 4 (автор О.К. Ермакова) и 5 (автор Д.О. Серов) раздела III. Первая из них посвящена социальному статусу иностранных специалистов на русской службе, а вторая — становлению профессиональной корпорации юристов. Само по себе присутствие в книге такой проблематики совершенно оправдано, но содержание этих глав вызывает некоторые вопросы. В первом случае стоило бы расширить хронологические рамки и говорить в целом о социально-правовом статусе иностранцев, тем более что, как показано в других главах книги, в качестве особой категории они неизменно присутствовали в разного рода моделях социальной структуры населения России имперского времени, а современная историография вполне позволяет это сделать⁹. Что касается второго сюжета, то становление в России профессий и профессиональных корпораций как один из важнейших процессов, влиявших на социальную стратификацию, это значимая и серьёзная тема, заслуживающая особого внимания. Причём стоит упомянуть, что работы на эту тему основаны преимущественно на материалах пореформенного периода. Между тем уже в переписи московских дворов 1716 г. можно обнаружить более полутора сотен профессий, названных в качестве самоидентификации их жителей¹⁰. Выбор в качестве конкретного кейса именно юристов возражений не вызывает, однако в контексте этой темы не лишним было бы упомянуть об уже существующих работах как общего характера¹¹, так и о становлении российской адвокатуры¹², медицинской корпорации¹³, корпорации университетских профессоров¹⁴ и т.д. Глава 6 (автор О.Н. Яхно) раздела III, как представляется, лишь обозначает один из путей изучения социальных маркеров через анализ бытовой культуры, моды и представлений о воспитании и образовании, используя в качестве источника прессу начала XX в. Очевидно, что этот сюжет также мог бы быть представлен значительно шире, тем более, что двое из

⁹ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004; Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. М., 2007; Тихонова А.В. «Надлежаще смотреть...». Надзор за иностранцами в Российской империи (1801—1861). Смоленск, 2014; Мильчина В.А. «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017.

¹⁰ См.: Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896.

¹¹ Шепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб., 2010.

¹² См.: Благодетелева Е.Д. Гражданская и профессиональная идентичность российской адвокатуры второй половины XIX — начала XX вв. // Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX — начале XX века. М., 2013. С. 163—201; Благодетелева Е.Д. На пути в профессию: социальное происхождение и образовательная траектория присяжного адвоката на рубеже XIX—XX вв. // Адвокатская практика. 2015. № 2. С. 38—42; Blagodeteleva E. The French Bar and the Emerging Legal Profession in Russia // Basic Research Programme. Series HUM «Humanities». 2015. № 110.

¹³ Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905. Princeton, 1981; Вишленкова Е.А. Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память. Вып. 10. Саратов; Ставрополь, 2015. С. 182—200; Sambuk D. Wächter der Gesundheit: Staat und lokale Gesellschaften beim Aufbau des Medizinalwesens im Russischen Reich, 1762—1831. Köln, 2015.

¹⁴ Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012; Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Пер. с нем. Под ред. И.М. Савельевой, Е.А. Вишленковой. М., 2013.

авторов обсуждаемой книги являются также и авторами вышедшего примерно в то же время сборника¹⁵.

Жанр «круглого стола» предполагает полемику по поводу обсуждаемой темы. Однако в данном случае я солидарен с основными тезисами и, главное, с заявленной авторами книги научной позицией, хотя некоторые формулировки в завершающем разделе книги — «Решётки и маркеры (вместо заключения)» (автор Д.А. Редин) — и кажутся мне излишне категоричными. Но спорить с ними бессмысленно: их правомерность надо проверить новыми исследованиями. Сам же факт появления этой чётко сформулированной научной позиции — важное событие, которое станет предметом изучения будущих историков исторической науки. Высказанные выше замечания — это мелкие придирки, обозначающие возможности дальнейшего движения, дальнейшего развития обсуждаемой проблемы.

Дмитрий Лисейцев: *Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI—XVII вв.*

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): People and ranks: the complex issues of social stratification in Russia of 16—17 centuries

DOI: 10.31857/S086956870013452-8

Обсуждаемая коллективная монография «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.», несомненно, была обречена стать объектом пристального и заинтересованного внимания исторического сообщества. И не только потому, что члены авторского коллектива книги принадлежат к числу учёных, успевших приобрести репутацию высококлассных специалистов по отечественной истории, а хронологический охват работы настолько широк, что она с неизбежностью будет прочитана исследователями, изучающими отечественную историю последних четырёх столетий — от Московского царства до позднесоветского периода. Сама центральная тематика монографии принадлежит к числу наиболее дискуссионных и в отечественной, и в мировой историографии. Любой историк, вышедший за пределы границ любимой научной темы на более широкий «оперативный простор», рано или поздно задаётся вопросом о том, что из себя представлял в изучаемую им эпоху социум, из каких составных частей он складывался, как было организовано взаимодействие между элементами общественной структуры.

В очередной раз подтверждая справедливость афоризма Козьмы Пруткова относительно подобного флюсу специалиста, я в первую очередь заинтересовался хронологически наиболее ранними сюжетами коллективной монографии, анализом которых в рамках данного обсуждения и хотел бы ограничиться. Вопрос о структуре московского общества XVII столетия человеку, выросшему на советских учебниках, может показаться давно решённым: память услужливо воспроизводит привычный образ «пирамиды», на вершине которой восседает окружённый боярами царь, а в основании гнут спину крепостные крестьяне и холопы. Специалист, занимающийся изучением той эпохи, напротив, отметит крайнюю сложность организации общественного организма Московского государства. Классик отечественной исторической мысли В.О. Ключевский признавал трудности реконструкции чиновной структуры общества допетров-

¹⁵ Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII—XIX века. М., 2018.